

исторических событиях, используя и материалы архивов, содержащих научную информацию, и сбор, анализ воспоминаний участников военных памятных дат, событий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов, В.В. 254 Черкасская стрелковая дивизия. Чебоксары, 2006. – 130 с.
2. В боях за Молдавию. Кишинев, 1970. Кн. 3. – С.111 – 112.
3. Герои Советского Союза – могилевчане. Минск, 1965. – С. 56 – 57.
4. Гордость и слава Могилевщины. / Под общей редакцией А.Т. Глаза. Могилев, 2005.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945 гг. – М., 1962. – Т. 4.
6. Книга «память» Климовичского района. Минск, 1995. – С. 361.
7. Федоров, Г.Ф. О твоём отце. – М., 1965. – С. 80 – 89.

УДК 94(476)

С. В. Мандрик, А. О. Горанский

АСПЕКТ НЕВИННЫХ СТРАДАНИЙ И ЖЕРТВЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ : ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД

В настоящее время много говорится о мемориализации событий Великой отечественной войны, об актуализации исторической памяти в современном обществе. В этой связи хотелось бы рассмотреть, вероятно, один из самых сложных аспектов исторической памяти – память о жертвах среди мирных граждан. Ведь Беларусь потеряла каждого четвертого, а возможно и каждого третьего из своих жителей. Кроме того, на территории Беларуси уничтожались евреи, привезенные из других стран Европы.

Сразу отметим, что обычно, когда речь заходит о жертвах войны, высказываются впечатления, которые возникают при посещении мест массового уничтожения людей в лагерях смерти или от рассказов очевидцев о зверствах нацистов. В связи с этим имеются распространенные высказывания: «Тайна Освенцима – это истина, заключённая в молчании», или «О Катастрофе (холокосте) невозможно говорить иначе, нежели через призму невыразимости».

Однако христианское мировоззрение не может удовлетвориться неким оцепенением в ужасе от осознания бессмысленности мучения и уничтожения огромного количества людей. Встает один из фундаментальных мировоззренческих вопросов – это даже не столько вопрос о теодицее, сколько проблема бессмысленности или смысла невинных страданий.

Начать это обсуждение, вероятно, следует именно с осмысления жертвы. Сейчас для нас привычно, когда «жертвами» называют людей погибших или пострадавших от террористов, репрессий, военных действий или стихийных бедствий, а также от социальных потрясений (например, финансового кризиса). В таком десакрализованном смысле термин «жертва» впервые фиксируется в русском языке на исходе XVIII в. в «Словаре Академии Российской». В этом издании указано, что жертвой «иногда называется человек, невинно в каком-нибудь случае погибший» [1].

В первоначальном же смысле жертвоприношение во многих языках и культурах понималось как благодарение и священнодействие. Причем сама приносимая жертва была священной, а жертвоприношение было деянием, исполненным благоговения и радости.

Это подтверждается этимологией. В литовском языке слово «жертва» родственно литовскому *gīti, girti* — «хвалить», *geras* — «хороший», в древнепрусском *girtwei* — «хвалить», в древнеиндийском *gnuti, giṅ* — «хвала, награда». В этом же ряду стоит латинское слово *gratus* — «желанный, приятный, благодарный». В родственных словах других языков также мерцает исконный индоевропейский корень *geṛa* — «оказывать почесть, чтить» [2].

В христианском мировоззрении жертва – это одно из важнейших понятий, связанное с религиозным представлением о сущности человека и его жизненном предназначении. Жертва есть выражение любви. В качестве таковой она есть приношение и отдание лучшего. Поэтому жертва всегда связана с любовью, так как нельзя искренне отдать без любви. Причем высшей формой жертвы любви является самопожертвование – отдача другому всего себе: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Однако при рассмотрении исторической памяти о Великой отечественной войне через призму христианского понимания жертвы возникает определенная сложность. С одной стороны, жертва любви

всегда свободна и осмысленна, а жертвоприношение – это священнодействие, которое ведет к возрастанию и соединению человека с Богом и ближним. В случае же массового уничтожения людей мы имеем дело с совершенно другой реальностью, когда сотни тысяч умирают насильственной смертью. Ни один нацист не считал обреченных на смерть и увечья «святыми» и не мог испытывать к ним благоговейного чувства. Напротив, эти жертвы воспринимались как уничтожение «недолюдей» («представителей низших рас»), которые загрязняют и сужают жизненное пространство для «высшей расы настоящих людей». Именно поэтому подвергшиеся массовым репрессиям понимаются как жертвы именно в секулярном смысле – как прошедшие нелепые и бессмысленные страдания, вызванные выплеском некоей звериной агрессии, подобной необъяснимому буйству стихии, которая неразборчиво поглощает всех подряд вне зависимости от возраста и нравственных качеств, не спрашивая согласия и не давая возможности бороться и сопротивляться. При осмыслении всего этого обычно либо возникает оцепенение от ужаса, либо разгорается бессильный гнев на Бога, Который, будучи благим и всемогущим допускает все это бессмысленное безобразие в сотворенном им мире. Все это вызывает следующие мысли: либо Бог не таков, как о нем говорят христиане, либо Его вовсе не существует.

Созвучны таким переживаниям слова выдающегося христианского богослова VII–VIII вв. Иоанна Дамаскина о том, что «смерть ворвалась в мир подобно какому-либо дикому и свирепому зверю, терзающему человеческую жизнь. Каждый человек естественным образом пребывает в состоянии внутренней убежденности, что он бессмертен, поэтому смерть переживается как трагедия, как то, что не вписывается в стройную картину мироздания. Это глубокий конфликт между поврежденной грехом человеческой природой и личностью, вызванной Творцом из небытия для вечности» [3, с. 313].

В соответствии с христианским представлением, Бог сотворил человека ни по необходимости смертным, ни по необходимости бессмертным, но имеющим возможность (в силу свободного выбора) стать либо смертным, либо бессмертным. Ключевым смыслообразующим понятием здесь является свобода, которая предполагает возможность отказа от следования к достижению той цели, к которой призван человек. Причем такой свободой наделен

каждый (абсолютно любой) человек вне зависимости от его нравственных характеристик. Сами эти характеристики возникают благодаря свободе человека и возможны только в результате существования ответственности за свои поступки, что вызывает их нравственную оценку. И эта свобода неуничтожима, так как без нее человек перестает быть человеком.

Однако и в этой ситуации господства неуничтожимой свободы человека один из выдающихся христианских богословов IV в. Григорий Нисский настаивает на том, что Бог устраивает все отнюдь не случайно и не без причины. Бог есть Логос, Премудрость, Добродетель, Истина, и Он никогда не совершает ничего из того, что не связано с добродетелью и истиной, и попускает Он только то, что связано с ними [4, с. 96]. Связывая это положение с историческим процессом, а следовательно, и с исторической памятью, русский религиозный писатель В. Свенцицкий утверждает, что философско-историческое сознание оказывается перед выбором: либо социальная история человечества – это не бессмысленный хаос, а продвижение человечества по пути, предначертанному Богом, либо же Бога нет [5, с. 152].

Христианским разрешением данной коллизии, является положение о том, что Бог есть Любовь (Ин. 4, 16). Эта Божественная Любовь жертвенна, так как, согласно христианскому учению, Бог так возлюбил человека, что послал в мир Своего Единородного Сына, Который воплотился и вочеловечился, а затем, добровольно взяв на Себя все грехи мира, пострадал до смерти крестной. И эта нелепая и случайная на первый взгляд смерть стала для христиан важнейшим событием истории человечества.

Таким образом, всякая невинная жертва приобретает смысл в силу сопричастности Жертве, принесенной Христом за всех, чтобы каждый смог преодолеть все эгоцентричное и вместить в своем сердце весь мир. Бог соучаствует в каждом невинном страдании. Мы видим страдающего Христа на улицах городов и в больницах, в огне войн и за проволокой концлагерей. Важный вопрос, где оказываемся мы сами в этот момент, или для современного человека – помним ли мы об этом и как к этому относимся?

Известна история о христианине, который стал гражданином Израиля и служил в армию. Однажды один из сослуживцев буквально схватил его за грудки и закричал: «Да где же был твой

Христос, когда наших детей убивали в Освенциме?!» Тот ответил: «Он был с ними, в газовых камерах и печах крематория».

В этой связи вспоминается рассказ об убийстве одного из братьев, ставших первыми канонизированными святыми в Русской Церкви – князя Глеба. В «Сказании о Борисе и Глебе» говорится, что когда убийцы настигают князя, их предводитель, «окаянный Горясер приказал резать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного... И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная» [6]. Глеб приносит себя в жертву не сопротивляясь, принимая свою участь, подражая «вольной жертве» Богочеловека. Он, вслед за Христом, уподоблен жертвенному агнцу, но убийцы князя – отнюдь не благоговейные жрецы, а преступники и грешники.

Таким образом, жертвы войны приобретают пусть до конца рационально не выразимый, но возвышенный и достойный памяти смысл, а познание истории и историческая память выступают как одно из направлений богопознания. В христианском представлении память – это сама обращенность Бога к Своему творению, сила Божественной любви, которой Бог «держит» мир и хранит его. Память человека – это живой ответ на память Бога о нем. Для христианина верить во Христа значит помнить о Нем и вспоминать Его. Не просто «знать» о Нем и о Его учении, а знать Его – Живого и Пребывающего среди любящих Его учеников.

Такая причастность к Абсолюту позволяет богословию истории и исторической памяти нести в себе оптимальный критерий оценок всех исторических событий. Бог помнит как Свои обещания, так и все доброе и злое, что творят люди (Пс. 104, 7–9). Тогда становится понятным, что сущность, глубина и ужас зла лучше и точнее всего выражены в представлении о том, что человек забыл Бога. Забыть – значит, прежде всего, выключить забываемое из жизни, перестать им жить, отпасть от него. Если память животворит, то забвение есть смерть или, вернее, начало смерти, яд умирания.

Хотелось бы напомнить знаменитый лозунг: «никто не забыть, и ничто не забыто». В свете раскрытого выше христианского понимания исторической памяти этот лозунг свидетельствует о том, что следует помнить не только о героях и героизма, но по возможности о судьбе каждого человека в этой войне. Пока мы не забыли обо всем этом (вне зависимости от религиозных

убеждений), люди остаются живыми в нашей памяти, а события – актуальными в нашем сознании.

Снова следует повторить, что свобода дарована каждому человеку. Пространство социума и пространство истории представляет собой сплетение и пересечение реализаций этих свобод, причем, как мы понимаем, не только добрых, но и злых. Следовательно, на каждом человеке лежит не только частная ответственность за свои дела, но он включен, так сказать, в общее поле ответственности. Это не значит, конечно, что кто-то должен и несет ответственность за безнравственность других. Но, с одной стороны, наше зло вызывает определенное последствие, и мы переживаем последствия безнравственных поступков других людей, а с другой – если мы помним нравственность и жертвенность бывших до нас, это становится и нашим идеалом; но если мы забываем ужасы и зверства войны, они могут повториться вновь.

Историческая память, таким образом, обладает очистительным свойством, способностью удалять из души все нечистое, вредоносное. Для подтверждения этого можно привести знаменитую библейскую книгу Иова, которая наводит на мысль о том, что может быть, когда у Иова все было хорошо, он просто жил в своем уютном мире, где была семья, достаток и религия, и не о чем было беспокоиться. Но когда он лишился всего, то воспринял трагедии других людей как свою собственную, обратился к Живому Богу с живыми и искренними вопросами, и они не остались без ответа. Бог ждет от человека предельной честности и откровенности, а не формально правильных, но безразличных слов.

Встреча со страданиями и смертью в исторической памяти отрезвляет человека, помогает принимать каждый момент существования любого человека и всего существующего в мире как бесценный дар, который необходимо хранить и преумножать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь Академии Российской. – Т. II от г до з. – СПб., 1790. – 664 с.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. — 4-е изд., стереотип. — М.: Астрель — АСТ, 2004. — Т. 2. — 671 с.

3. Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. – Т. 1. – Спб., 1913. – 466 с.
4. Григорий Нисский. Большое огласительное слово (глава 37) // Творения. – Ч. 4. – М., 1862. – 400 с.
5. Свенцицкий, В. Диалоги. – М., 1995. – 255 с.
6. Сказание о Борисе и Глебе – Сказание о убиении святых страстотерпцев, российских князей, Бориса и Глеба // Жития Святых. Минея Четья. Месяц май. – 8-ое синодальное изд. – М.: Издательство Братства свт. Алексия, 1998. – С. 59 – 83.

УДК 32: 94

А. В. Меляков

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ : КОНТЕКСТЫ, ПРИМЕРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Победа над нацизмом в годы Второй мировой войны является одним из центральных событий мировой истории XX в. В современной Украине политические, экономические, идеологические, социально-психологические, антропологические аспекты войны дебатуются на страницах научных, публицистических, общественно-политических изданий, являются предметом дискуссий на десятках научных конференций [1]. Либерализация доступа к архивам позволяет изучать и темы, в прежние годы закрытые как для исследования, так и для открытого опубликования [2]. С течением времени интерес к отдельным составляющим данной проблематики несколько затухает, другие же страницы истории Второй мировой, наоборот, изучаются с максимально возможной активностью и глубиной, что лишь подтверждает слова Итало Звево о том, что «современность дирижирует прошлым, как оркестром» [3, с. 26].

Особое место в рамках поднятой проблемы отводится такой теме как память о войне. Предметом исследований украинских историков и политологов, социологов и культурологов становятся актуальные мемориальные практики, различные составляющие государственной исторической политики [4].

Безусловно, рассматривать данные вопросы следует с учетом ряда особенностей. Часть западных территорий современной